

© 2005 г.

В.Н. ЯКИМЕЦ, Л.И. НИКОВСКАЯ
СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ КОНФЛИКТЫ

ЯКИМЕЦ Владимир Николаевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ИСА РАН, НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН.

Актуальность и значимость теоретического исследования понятия «сложносоставной конфликт» (далее ССК) нами была осознана в процессе исследования неоднозначных и разнонаправленных процессов российской трансформации. Мы пришли к выводу, что разнотипные конфликты в условиях динамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг друга. В силу этого сегодня недостаточно изучать отдельные и рядоположенные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства ССК, которое образуется пересечением полей разнотипных моноконфликтов – политических, экономических, социокультурных и т.д., образуя пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия.

Думается, попытка целостного рассмотрения различных конфликтов транзитного российского общества очень продуктивна, поскольку различные конфликты, накладываясь друг на друга, стимулируют, провоцируют и усиливают друг друга, что порождает появление нового интегративного эффекта проявления конфликтности, обладающего неким иным качеством, чем моноконфликты сами по себе.

В этой статье мы даем более систематичное изложение концепции ССК, включая определение понятия, его типы, описание его динамики и принципов его анализа.

Необходимость создания нового инструмента конфликтологического исследования

Особенность российского общества не в том, что оно преобразуется, но скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальной трансформации, когда нестабильность реформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса». Этим оно отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой.

Важнейшей особенностью постсоциалистической трансформации, которую мы наблюдаем в течение последних 15 лет, является многослойный, неоднородный по структуре и насыщенности, в разной степени развитый конгломерат противоречивых отношений между разными слоями населения, секторами экономики, секторами общества, выстраиваемый и «разруливаемый» исполнительной и законодательной властью во многих случаях по аналогии с западными странами. Поскольку трансформация затронула все без исключения стороны жизни (правовую, этническую, экономическую, социальную и др.), то не только эти стороны претерпевают изменения, но и соотношения между ними. Очевидно, что в таком динамичном «котле» возникают и бурлят не столько отдельные типовые моноконфликты (социокультурный, политический, административный, этно-национальный, конфликт в социальной сфере, экономический) сколько – почти всегда – сложносоставные конфликты.

Особенности постсоциалистической трансформации, помимо прочего, определяются и необычностью преобразований: обратный переход от

«квазисоциализма» к «капитализму»; больший, чем в социалистических странах Восточной Европы, временной разрыв в наследовании принципов и правил жизни в условиях рыночной экономики; освобождение от единой руководящей и направляющей роли КПСС с формированием плюралистического взгляда, когда появляется много новых акторов с несовпадающими интересами и позициями; разрыв в уровне информированности «элиты» и населения о целях, задачах, стратегии и методах трансформации; принципиально значимая роль фактора неопределенности.

Иными словами, трансформация – сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают и результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого ученого Р. Райсинга, трансформацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, *процессуальную, открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Ее течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений* [1, с. 236].

На этом фоне возможности теории конфликта становятся плодотворными. Но упование на то, что возникающие в процессе трансформации различные типы моноконфликтов можно исследовать и урегулировать отдельно, на наш взгляд, призрачно. Это утверждение особенно актуально для России, поскольку происходящие в ней процессы во многом уникальны. Фактически, российское общество осуществляет *тройной переход*: занимаясь приватизацией и структурной перестройкой экономики, радикально перестраивает политический строй и пытается формировать новое федеративное устройство с целью создания устойчивой и жизнеспособной демократической федерации. Противоречия начинают разворачиваться во всех

сферах общества – *социально-экономической, политической, духовной* и т.д., взаимопроникая и усиливая друг друга.

Сегодня уже очевидно, что в ходе скороспелых и непродуманных по целям, стратегиям и последствиям «реформаторских» решений, принятых без широкого обсуждения элитной верхушкой постсоветского руководства, Россия была ввергнута в системный кризис. Цели и задачи начального этапа этой «верхушечной» революции, выглядевшие благородными, в которых, как пишет академик Г.В. Осипов, «основной целью провозглашался человек, повышение его культурного и материального благосостояния» [2, с. 30], не только не были достигнуты в отношении подавляющего большинства населения, но, напротив, привели к значительному снижению его жизненного уровня. Это происходило на фоне непомерно и вне всяких исторических прецедентов возросшего благосостояния узкой группы назначенных олигархов и коррумпированного чиновничества. А ведь в Конституции РФ (ст. 7) записано: «1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых людей, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Думается, причины «бифуркационного застоя» российской трансформации кроются в том грузе проблем, нерешенность которых породила совокупность конфликтов в различных сферах общества, пересечение которых вызвало особое состояние трансформационных процессов. Движение к

углублению демократических и рыночных преобразований застопорилось не потому, что «русский народ равнодушен к демократическим ценностям, а потому, что демократия не принесла ему свободы, благосостояния, не решила стоящих перед страной проблем, а скорее обострила и донельзя запутала их» [3, с. 135].

Какова же общая картина тех социально-экономических и политических итогов, к которым пришла Россия в ходе общественно-демократических преобразований? Обратимся к некоторым извлечениям из основного доклада, сделанного академиком Г.В. Осиповым на открытии Второго Всероссийского социологического конгресса в Москве в октябре 2003 г. «Между реальными возможностями России, ее геополитическим положением, ее сырьевым и интеллектуальным потенциалом и реальным уровнем и качеством жизни народа продолжает существовать и углубляться неоправданный разрыв» [2, с. 32]. Доказывая, что в стране «осуществлен антinationальный передел собственности», он приводит таблицу предельно-критических показателей развития (точнее бы сказать падения) страны, показывающую, что мы вплотную подошли к черте, после которой даже возврат к прежним – дореформенным - показателям представляется сомнительным. Мы выбрали из этой таблицы только те показатели, по которым Россия вследствие бессистемной трансформации, превзошла предельные значения, известные из мировой практики. Последняя колонка – это, по сути дела, приговор либералам-проповедникам макроэкономической теории (см. таблицу).

Таблица

**Предельно-критические показатели развития Российской Федерации
(Извлечения)**

№	Показатель	Предельно-критическое значение в	Значение в 2002 г.	Возможные последствия

		мировой практике	в РФ	
Экономические показатели (в %)				
1.	Уровень падения промышленного производства	50%	54%	Деиндустриализация страны
2.	Доля импортных продуктов питания	30%	35%	Стратегическая зависимость жизнедеятельности страны
3.	Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	45%	12%	Колониально-сырьевая структура экономики
4.	Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	10-15%	1%	Технологическое отставание экономики
5.	Доля от ВВП государственных ассигнований на науку	2%	0,4%	Разрушение научно-технического потенциала
6.	Изношенность основных фондов добывающей промышленности	35-40%	75-85%	Грядущие техногенные катастрофы
Социальные показатели				

7.	Соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан	10 : 1	14 : 1	Антагонизация социальной структуры
8.	Доля населения, живущего за чертой бедности	10%	34%	Люмпенизация населения
9.	Соотношение минимальной и средней заработной платы	1 : 3	1: 18	Деквалификация и пауперизация рабочей силы
10.	Уровень безработицы	8-10%	12%	Рост социально обездоленных категорий населения
11.	Отношение числа умерших к числу родившихся	1	1,65	Интенсивная депопуляция
12.	Среднее число детей у женщин в фертильном возрасте	2,14 – 2,15	1,19	Отсутствие простого заме- щения поколений
13.	Средняя продолжительность жизни в 1999 г.	США – 75 Швеция –78	РФ –65 (59м, 72ж)	Снижение жизнеспособ- ности страны

14.	Доля лиц старше 65 лет к общей численности населения	7%	12%	Старение населения
15.	Количество преступлений на 100 тыс. населения	5-6 тыс.	6-6,5 тыс.	Криминализация общественных отношений

Эти данные весьма обобщенно проецируются на состояние «человеческого капитала» в российском обществе. Так, по мнению Главного санитарного врача РФ Г.Онищенко [4]: на 31.01.2002 г. численность экономически активного населения составила 71 млн.чел.; за последние годы количество работающих в промышленности сократилось на 7 млн.чел.; каждый год в РФ уходит из жизни более 2 млн.чел. (из них 600 тыс. в трудоспособном возрасте, многие умирают от *предотвратимых* причин; специфика российской динамики смертности, по его словам, - это *сверхсмертность* людей трудоспособного возраста (из них 80% – мужчины); больше всего профессиональных болезней зафиксировано на объектах частной собственности - 35,18 %; среди этих профзаболеваний хронические недуги составляют 98,4 %.

Он отмечает, что за последние годы 20% населения утратили трудоспособность в возрасте до 45 лет. И констатирует, что управление здоровьем не является приоритетом в государственной политике.

Эти материалы позволяют нам сделать вывод о том, что высшим руководством страны потеряна управляемость экономикой и социальной сферой и, как пишет Г.В.Осипов, «выбор социальной стратегии и социальных приоритетов ... становится важной проблемой» [2, с. 125–126, 34]. Подход, построенный только на приоритетах макроэкономических показателей, без учета состояния социальной и человеческой «составляющей» является не просто неверным, но и контрпродуктивным. Достаточно обратиться к данным Федеральной службы государственной статистики, чтобы понять, что «успешность» демонстрируемых экономических показателей входит в противоречие с данными социологических исследований (см. таблицу), то есть никак не сопрягается с существенным улучшением качества жизни. Требуется коренное изменение концепции управления экономикой, социальной сферой и в целом развитием России (см. рис. 1).

**Изменение основных показателей производства товаров и услуг
в апреле 2003 и 2004 гг. %**

Информация о социально-экономическом положении России - 2004 год.

© Федеральная служба государственной статистики, 2004

Очевидно, что во главу угла должно быть поставлено разумное сочетание макроэкономических регуляторов с показателями качества и уровня жизни всего населения, с заменой «плавающего в облаках» административного подхода на управление, основанное на совокупности разноуровневых (федеральный, региональный, муниципальный, местный) механизмов межсекторного социального партнерства [5], соединяющего усилия государства, бизнеса и общества в решении сложных социальных проблем и создании необходимых для этого условий.

В целом, суммируя, можно сказать, что неразрешенные экономические, социальные, этнополитические и социокультурные противоречия, даже приобретая форму конфликтной репрезентации, игнорируются властью предержащими и, будучи загнанными внутрь, приобретают злокачественный характер, усиливают кризисное течение трансформационных процессов.

Возникает вопрос – а есть ли шанс у России изменить жизнь к лучшему? Наш ответ положительный при условии, если социальная политика страны *не на словах (декларации о «светлом будущем»)*, а на деле будет направлена на содействие реализации следующих ключевых задач: 1. *быстрый рост человеческого потенциала* как условия для полноценной, продуктивной жизни членов общества; 2. *формирование нового среднего класса* как определяющей социальной силы общества и основного носителя человеческого потенциала нации; 3. *развитие гражданского общества и правового государства* как неременного условия расширенного воспроизводства человеческого потенциала.

Попробуем сформулировать вопросы-выводы:

- Реформы оторваны от реальной жизни?
- Ресурсы консолидированы?
- Есть четкие цели и приоритеты?
- Пройдена точка «возврата»?

– Государство в одиночку справится и нужна ли консолидация сил и усиление общественного контроля и участия?

– Природные ресурсы обогащают «золотую сотню»?

Даже не отвечая на каждый из этих вопросов, логично сделать заключение о том, что «шоковая» по результатам трансформация генерирует противоречия системного характера, когда сталкиваются мнения, интересы, взгляды, позиции, ценности и идентичности практически всех категорий и слоев населения, ветвей власти, отечественных и зарубежных политиков представителей малого, среднего и крупного бизнеса, неправительственных организаций таким образом, что моноконфликтологический анализ становится менее конструктивным.

Описание концепции ССК

Анализ динамических процессов трансформации невозможен на основе исследования только рядоположенных моноконфликтов, разворачивающихся в той или иной сфере общества. В современных условиях одной из приоритетных задач выступает изучение процессов *взаимовлияния, взаимопереплетения* различных социальных конфликтов, которые в совокупности образуют так называемый *сложносоставной конфликт*, обладающий собственной логикой развития и требующий более серьезных диагностических и технологических усилий для введения его в конструктивное русло урегулирования. Недопонимание этого факта, отсутствие адекватных познавательных и управленческих средств воздействия на эту комплексную конфликтность снижают ожидаемый эффект от демократических преобразований.

Понятно, что центральной проблемой процессов трансформации выступает категория «неопределенности» как структурная характеристика трансформации [6, с. 48], которая включает как неопределенность результатов общественных преобразований, так и неопределенность процедур такого преобразования. А это, безусловно, проблема институализации социальной

конфликтности, и постоянно меняющегося контекста ее актуализации, поливариантности самоопределения самого субъекта взаимодействия, и, наконец, сложносоставной природы самого конфликта, который никогда в этой ситуации не выступает как моноконфликт, а является наложением, сопряжением и взаимопроникновением ряда конфликтных взаимодействий, например, политического и экономического или административного и этно-политического и т.д. Рост неопределенности в процессе перехода влечет за собой нестабильность и затягивание процесса перехода. Но именно конфликтологический анализ позволяет лучше понять, комбинация каких субъектных стратегий взаимодействия и структурных условий способствует стагнации ситуации и в чьих интересах ее затягивание или блокировка.

Используя известные определения моноконфликта [7, с. 506], дадим следующую дефиницию сложносоставного конфликта: *ССК – это вырастающее на основе различных протоконфликтов [8] комбинированное столкновение противоположных мнений, интересов, взглядов, сил, позиций, возникающее в контексте не менее двух типовых моноконфликтов (социокультурный, политический, административный, этнонациональный, конфликт в социальной сфере, экономический) при необязательно совпадающих причинах конфликта и способах взаимодействия участников.*

Действительно, российский социум, вступая в полосу перемен, радикально меняет основы экономической, политической, социальной и пр. систем, ломая привычное равновесие структур и институтов и навязывая самим ходом изменений новую расстановку сил. Этот процесс по своей изначальной сути глубоко конфликтен, поскольку взламывает устоявшиеся нормы и актуализирует противоречие между новыми общественно-политическими тенденциями и старыми устоями. Противоречия начинают разворачиваться во всех сферах общества – социально-экономической, политической, духовной и одновременное их обострение создает кризис общества как результат

глубинных изменений в содержании и формах жизни различных социальных групп, серьезного нарушения механизма контроля в экономике, политике, культуре. Проявлением кризиса общества служит резкий подъем социальной напряженности, который как индикатор назревшего общественно-политического кризиса требует своего разрешения и, как правило, приводит к формированию определенных социальных субъектов, реализующих это противоречие в определенной системе противодействий. Если же назревший кризис своевременно не выявляется, а конфликтное противоречие никак не разрешается, «тлеет», уходя вглубь, истощая силы общества, возникает тупиковая ситуация, когда люди осознают реальное расхождение между провозглашенными идеалами и целями общественного развития и его действительными результатами. Синдром «зависания» может длиться сколь угодно долго, пока не возникнут новые обстоятельства и не сформируются новые субъекты, в интересах которых – завершение этой неопределенности.

Поскольку мы находимся в сложном, динамичном трансформационном процессе, то существование моноконфликта (однотипного конфликта) – это, скорее, исключение, нежели правило. В реальности мы имеем проекцию и взаимовлияние, взаимопроникновение одних типов конфликта в другие, когда источники (причины) и особенности одних конфликтов запускают или актуализируют «пробуждение» других. Соединение в цепочку причин разных по типу конфликтов образует один из возможных вариантов сложносоставного конфликта. Например, конфликт между «традиционалистами» и «западниками» (социокультурный конфликт) «запускает» коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти. Это, в свою очередь, актуализирует источники этнонациональных конфликтов, связанных с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения компетенции, что, в свою очередь, провоцирует конфликты, связанные с неравномерным распределением

социальных благ и условий воспроизводства жизни социальных групп, и, наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления отношений собственности и распределения прибылей. Таким образом, образовалось пространство возможного варианта сложносоставного конфликта. Причем точка «старта» этой цепочки может находиться в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент для общества или определенной группы. Но таких цепочек различных комбинаций причин разных конфликтов может быть построено достаточно много (см. рис. 2 - вариант ССК указан пунктиром) [9]. Следовательно, вариантов сложносоставных конфликтов, определяющих течение сложных и динамичных процессов трансформации, может быть также много. Но они не возникают беспорядочно. Их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого момента. Так, первый, «романтический», период развития общественно-политической трансформации в России в качестве доминантных выделил конфликты политические (устройство страны, политическая программа ее развития, модель власти и т.д.), экономические и этнонациональные, которые выстроили за собой все пространство остальных комбинаций ССК. В качестве примера можно привести сложносоставной конфликт, связанный с драматическими событиями Октября 1993 г. Главное противостояние политических сил шло вокруг споров о президентской или парламентской форме институционализации власти. Собственно политический конфликт «запустил» государственно-правовой, который выразился в масштабном конституционном кризисе: по сути, борьба законодательной и исполнительной власти в 1993 г. привела к разрыву конституционных связей на всех уровнях государственной организации. Критерии конституционности актов и действий стали произвольными, появились утверждения о нелегитимности действовавшей Конституции 1978 г. Кульминацией явился породивший острые силовые столкновения Указ Президента от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной

Конституционной реформе в РФ». В итоге Парламент был разогнан, распались Советы на местах. Деятельность Конституционного Суда была приостановлена, в «досудебном порядке» прекращено функционирование ряда партий, введены цензурные ограничения. Верховенству Конституции и Закона был нанесен удар «указным правом», вводящим новые институты. Государственно-правовой конфликт вызвал к жизни этнонациональные конфликты, поскольку с этого момента субъекты Федерации стали произвольно менять свой статус и отношения с Центром. Начался период известного всем «парада суверенитетов», грозивший России потерей территориальной целостности. Актуализировавшаяся цепочка ССК была в какой-то мере урегулирована с принятием в 1993 г. новой Конституции. Но комбинация новых факторов развернула новый комплексный конфликт с доминантой этнополитической составляющей. И связано это было с чеченским конфликтом 1994-1996 гг. Линия противостояния в тот период проходила через все государственные и политические институты: администрацию Президента, правительство, партии и фракции в Государственной Думе, генералитет, офицерский корпус в армии и в других силовых структурах. Помимо государственно-правовых и политических проблем в данный конфликт вмешались и экономические причины, связанные с переделом собственности и ресурсов. Так, по мнению А. Миграняна, борьба велась уже не между различными государственно-оформленными интересами, как при Горбачеве, или же ветвями власти, как в период 1992-1993 гг. при Ельцине. Она велась между организованными кланами и группами, представляющими определенные финансово-промышленные интересы при переделе собственности и политической власти, что могла дать какой-то из этих групп политический и экономический контроль над страной [10]. Размежевание в рядах федеральной и региональной элит достигло таких масштабов, что классическая угроза «войны всех против всех» была вполне реальной. Причем, эта борьба происходила на фоне углубления экономического и социального

кризиса в стране и осложнения ее положения на международной арене, связанного с расширением военно-политического блока НАТО на Восток и угрозы исламского фундаментализма на Юге.

На следующей мини-фазе трансформации – в 1993-1998 гг. на первый план вышли приоритеты экономические (приватизация и передел собственности), которые соподчинили на время множество комбинаций с политическими, этнонациональными, социальными, ценностными конфликтами.

С приходом В. Путина в повестку дня выдвинулись конфликты, связанные с административно-государственной и социальной сферами, которые упорядочили и выстроили все остальные множества конфликтов. Укрепление государственности и борьба с бедностью стали одними из стратегических целей, поставленных В. Путиным, и главных ценностей, призванных сплотить дезориентированное и деморализованное российское общество.

Для описания различных вариантов ССК воспользуемся методом морфологического анализа. Метод морфологического анализа (ММА) был разработан в середине прошлого века швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки [11], суть которого состоит в том, что любая сложно устроенная система, проблема, программа, явление и др. декомпозируется на подсистемы (подпроблемы, подпрограммы и т.п.) таким образом, чтобы в совокупности они детализировали структурные и функциональные особенности данного объекта, имеющего некое осязаемое целевое предназначение. Затем для каждой из выделенных подсистем независимо от остальных составляется набор возможных вариантов ее реализации. При этом в набор включаются как известные, так и иные ранее не использовавшиеся варианты реализации подсистемы, но с обязательным выполнением условия их способности обеспечить выполнение основной функции (предназначения) подсистемы. Построенная таким образом морфологическая матрица исследуемого объекта

содержит самые разные альтернативные комбинации «сборки». Если составить комбинацию из первых вариантов каждой из подсистем, то получим первый альтернативный вариант системы. Заменяя хотя бы один из вариантов одной подсистемы на рядом стоящий, получим другой вариант системы. Таким образом на основе морфологической матрицы генерируется множество всевозможных альтернатив реализации системы (проблемы, программы). Нередко часть таких комбинаций абсолютно инновационна, другие в принципе нереализуемы, третьи представляют ранее известные и т.п. Главное в том, чтобы не упустить ни одной из возможностей. Матрица почти всегда содержит огромное число вариантов. Далее ее применяют для того, чтобы ввести критерии оценки вариантов реализации исследуемого объекта и выбрать наилучший.

ММА нашел широкое применение в задачах научно-технического прогнозирования [12], изобретательстве, в задачах проектирования сложных систем [13] в многокритериальном моделировании, при разработке комплексных человеко-машинных систем, систем принятия сложных решений и при исследовании различных сложных социально-экономических объектов [14]. Этот метод является эффективным средством для решения задачи формирования вариантов разнообразных систем. Он позволяет выявить, систематизировать и изучать все возможные варианты реализации сложной системы или объекта. В нашем случае в качестве такого объекта выступает ССК.

Морфологическая матрица ССК (см. рис. 3) устроена по принципу выделения различных отличающихся друг от друга конфликтных ситуаций (КС), которые могут возникнуть для каждого из 6 типов моноконфликтов, являющихся компонентами ССК.

Тип Конфликта	Конфл. Ситуац.	Сложно-составные конфликты – ССК					
		КС ₁₀	КС ₁₁	КС ₁₂	КС ₁₃		КС _{1n1}
1. Социо-культурный	КС ₁						
2. Политический	КС ₂	КС ₂₀	КС ₂₁	КС ₂₂	КС ₂₃	...	КС _{2n2}
3. Этнически-национальный	КС ₃	КС ₃₀	КС ₃₁	КС ₃₂	КС ₃₃	...	КС _{3n3}
4. В социальной сфере	КС ₄	КС ₄₀	КС ₄₁	КС ₄₂	КС ₄₃	...	КС _{4n4}
5. Экономический	КС ₅	КС ₅₀	КС ₅₁	КС ₅₂	КС ₅₃	...	КС _{5n5}
6. Административный	КС ₆	КС ₆₀	КС ₆₁	КС ₆₂	КС ₆₃		КС _{6n6}

Для простоты возможные конфликтные ситуации обозначены КС, но заиндексированы первым нижним индексом по типу моноконфликта (социокультурный, политический и др.) от 1 до 6, $j = 1, 2, \dots, 6$.

Поскольку у каждого типа моноконфликта может быть свое число потенциально возможных КС, то вторым нижним индексом пронумеруем их от 0 до n_j , где n_j – число КС моноконфликта j -того типа. В последнем столбце таблицы они обозначены n_1, n_2, n_3 и т.п.

В матрице имеются КС, у которых второй нижний индекс равен нулю. Это сделано для того, чтобы можно было исчислять и анализировать не только шестимерные ССК (состоящие из КС всех 6 типов моноконфликтов), но и парные, когда ССК состоит лишь из КС двух типов, трехмерные – из КС трех типов и т.д. Введение нулевого нижнего индекса обусловлено еще и тем, что при анализе всего массива ССК, нужно всегда видеть перед собой «картину» о потенциальном разнообразии вариантов моноконфликта определенного типа.

Итак, в матрице содержатся:

1. Один «нулевой» ССК (белые точки соединены жирной линией):

$$ССК_0 = (КС_{10}, КС_{20}, КС_{30}, КС_{40}, КС_{50}, КС_{60}).$$

Это по сути дела отсутствие каких-либо конфликтов вообще.

2. Различные варианты моноконфликтов всех шести типов, например, как показано в матрице, все варианты социокультурного моноконфликта (черные точки из строки социокультурного типа конфликта, соединенные штриховыми линиями, с «нулевыми» (отсутствие) опциями остальных пяти типов моноконфликта. Этот набор можно описать так:

$$КМК_1 = ((КС_{11}, КС_{12}, КС_{13}, \dots, КС_{1n_1}), КС_{20}, КС_{30}, КС_{40}, КС_{50}, КС_{60}).$$

Далее будем называть все КМК – *каркасами моноконфликтов*. В таблице таких каркасов 6 – по числу типов моноконфликтов.

Назовем мощностью каркаса число вариантов моноконфликта j -того типа ($N(KMK_j)$), содержащихся в каркасе.

Мощность каркаса рассчитывается по формуле:

$$N(KMK_j) = n_j - 1.$$

Действительно, в матрице число черных точек, входящих в каркас социокультурного моноконфликта, равно числу вариантов КС в первой строке минус единица (поскольку первая $КС_{10}$ – это отсутствие конфликта).

Если пересчитать мощности всех каркасов, то общее число вариантов различных моноконфликтов ($N(KMK)$), содержащихся в матрице, составит:

$$N(KMK) = \sum_j N(KMK_j) = \sum_j (n_j - 1), j = 1, 2, \dots, 6.$$

3. Всевозможные варианты шестимерных ССК (таких, что в ССК нет ни одного «нулевого» моноконфликта, а представлены все шесть типов моноконфликтов). Один из таких шестимерных ССК показан в матрице пунктирной линией

$$(ССК^*(6) = (КС_{12}, КС_{22}, КС_{3n3}, КС_{43}, КС_{53}, КС_{6n6}).$$

Число таких шестимерных ССК ($N(ССК(6))$) определяется по формуле:

$$N(ССК(6) = \prod_j (n_j - 1), j = 1, 2, \dots, 6.$$

Пусть в каждой j – той строке матрицы содержится одинаковое число КС. Пусть оно равно 5. Тогда общее число шестимерных ССК составит $4^6 = 4096$.

4. Кроме этого в матрице содержатся всевозможные ССК, образованные из пар, троек, четверок и пятерок разнотиповых моноконфликтов. Например, любая ССК, состоящая из пары моноконфликтов, может быть получена тогда, когда в любых двух строках матрицы взяты КС, второй нижний индекс которых не равен 0. Пример такого двумерного конфликта показан в матрице, когда у «нулевого» ССК «нулевые» КС заменены на две ненулевые позиции (соединены двойными линиями), то есть этот ССК* (2) можно описать так:

$$\text{ССК}^*(2) = (\text{КС}_{10}, \text{КС}_{20}, \text{КС}_{31}, \text{КС}_{41}, \text{КС}_{50}, \text{КС}_{60}).$$

Аналогичным образом строятся всевозможные варианты трехмерных, четырехмерных и пятимерных конфликтов. Формулы для расчета числа парных, тройных, четверных и пятерных конфликтов не приведены здесь. Это сделать нетрудно. Для нас было важно показать принцип формирования вариантов разномерных ССК, опираясь на морфологическую матрицу (см. рис. 2).

Расчет числа вариантов шестимерных ССК ($N(6)$) здесь проводится по формуле:

$$N(6) = 6^6 \times [(n_1 - 1) \times (n_2 - 1) \times (n_3 - 1) \times (n_4 - 1) \times (n_5 - 1) \times (n_6 - 1)] =$$

$$46\,656 \times \prod_j (n_j - 1), j = 1, 2, \dots, 6.$$

Приведем пример. Пусть у каждого из шести типовых моноконфликтов в этой матрице удалось выявить ровно по 3 причины (включая и отсутствие – «нет»), то есть

$$n_1 = n_2 = n_3 = n_4 = n_5 = n_6 = 3.$$

Рис. 2. Морфологическая матрица сложносоставных конфликтов.

Тип Конфликта	Элементы описания	Характерные варианты причин и специфика взаимодействия сторон разных конфликтов								
		Нет11	Прич.12	Прич.13	Прич.14	Прич.15	Прич.16	Прич.17	...	Пр.1n1
1. Социокультурный	Причины	Нет11	Прич.12	Прич.13	Прич.14	Прич.15	Прич.16	Прич.17	...	Пр.1n1
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		
2. Политический	Причины	Нет21	Прич.22	Прич.23	Прич.24	Прич.25	Прич.26	Прич.27	...	Пр.2n2
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		
3. Административный	Причины	Нет31	Прич.32	Прич.33	Прич.34	Прич.35	Прич.36	Прич.37	...	Пр.3n3
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		
4. В социальной сфере	Причины	Нет41	Прич.42	Прич.43	Прич.44	Прич.45	Прич.46	Прич.47	...	Пр.4n4
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		
5. Экономический	Причины	Нет51	Прич.52	Прич.53	Прич.54	Прич.55	Прич.56	Прич.57	...	Пр.5n5
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		
6. Этнический	Причины	Нет61	Прич.62	Прич.63	Прич.64	Прич.65	Прич.66	Прич.67	...	Пр.6n6
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд		

Если оставить неизменным шесть способов взаимодействия участников в каждом моноконflikте (сами стороны, стороны + фасилитатор, стороны + посредник, стороны + управленец, стороны + арбитр, стороны + суд), то в матрице содержится $(6^6 \times 2^6) = 2\,985\,984$ шестимерных варианта ССК. А если к этому числу добавить все двумерные (когда в ССК представлена любая пара моноконflikтов), трехмерные, четырехмерные и пятимерные конфликты, то общее число всевозможных ССК еще больше возрастет. Налицо значительные сложности, с которыми приходится сталкиваться исследователю при анализе ССК в условиях трансформации.

О динамике ССК

В ранее описанных случаях пространство ССК остается статичным. В реальности же ССК находятся в состоянии постоянного изменения. Необходимо ввести процессно-динамическую составляющую анализа ССК. Любой социальный конфликт представляет собой процесс своего развертывания – от одной стадии к последующей. Общепринятым является выделение таких стадий конфликта: *конфликтная ситуация*, в рамках которой формируются детерминанты конфликта, провоцирующие социальную напряженность, и складываются условия, способствующие осознанию социальными субъектами расхождения их интересов и ценностей, а также факторы, определяющие формирование целей и путей их достижения; *открытое конфликтное взаимодействие*, где особое внимание привлекают процессы эскалации и деэскалации конфликта; *завершение конфликта*, где наибольшую важность приобретает учет возможных результатов и последствий как предшествующего противоборства, так и способа его регулирования.

Комплексный анализ конфликта, игнорирующий временные изменения структурных элементов конфликта, непродуктивен и ошибочен. Конфликт меняется со временем. Наиболее очевидно этот аспект представлен в *поведении субъектов*, поскольку они меняют свои стратегии и реагируют на действия друг

друга, прибегая к пробным попыткам эскалации, снижения напряженности или начиная использовать стратегию принуждения вместо примирения. Эти поведенческие модели в конфликте образуют процесс, который меняется со временем, давая повод для таких вопросов, как – *является ли конфликт циклическим (или повторяющимся) или же для него характерно линейное развитие в сторону эскалации? Или же возможно остановиться на стадии инцидента конфликта и сразу перейти к деэскалации?* В этом отношении динамические аспекты конфликта можно рассматривать в нескольких главных областях:

- *в самих субъектах конфликта*, поскольку цели, установки и формы поведения изменяются, или изменяется структура субъекта конфликта в ответ на изменение противника или социального контекста среды;

- *во взаимодействии между сторонами*, поскольку со временем возникают различные модели коммуникации и взаимодействия в связи с эскалацией и деэскалацией конфликта, его интенсификацией или «умиранием», расширением или согласованным ограничением его границ;

- *между сторонами конфликта и окружающей их социальной средой*, поскольку среда реагирует на конфликт самыми разными путями, от изоляции субъекта-агрессора до привлечения к урегулированию третьих сторон (в целях предоставления ресурсов, вмешательства, оказания посреднических услуг или навязывания ограничений на поведение или условия разрешения).

Но при этом важно учесть другое – в современных условиях многофакторности детерминации, нарастания динамизма самих процессов изменения в связи с процессами глобализации изменился сам характер проявления модальности детерминирующих факторов – они не предъявляют себя прямолинейно и жестко, а действуют поливариантно и диффузно. В последнее время исследователи в области теории конфликтов обратили внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных

образований, именуемых полями, аренами или играми. Представители нового институционализма (К. Мейер, А. Скотт и др.) сделали вывод, что сложные и соперничающие отношения между старыми институтами и претендентами, то есть конфликты между группами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение позиций, служат основным источником перемен в обществе [7, с. 464]. «Полевой» теоретический подход (field theoretic approach) к анализу конфликтов впервые был предложен Квинси Райтом и предполагал важность учета многоуровневого характера причинно-следственных отношений в конфликте и предлагал анализировать межгосударственные конфликты в рамках поля отношений «человек-государство-общество». В изучении внутренних конфликтов также возобладали теории, учитывающие множественность уровней причинно-следственных отношений и объединяющие их на основе различных концепций: структурно-функциональной деформации, межгрупповой конкуренции или влияния системных факторов. И все это можно спроецировать в плоскость функциональной актуализации конфликта – в социальную, политическую, экономическую, военную сферы.

Нами выделено несколько типов динамики развертывания ССК.

Три из них таковы:

- последовательно и поочередно к определенному ССК определенной размерности подключаются другие моноконфликты без затухания предыдущих;

- последовательно и поочередно к ССК подключаются другие моноконфликты, а часть предыдущих затухают;

- моноконфликт, возникший на основе одного протоконфликта, обрастает и проявлениями других протоконфликтов таким образом, что формируется ССК.

Динамика развертывания ССК первого типа, например, может быть такой:

1. Проявляется один из шести моноконфликтов, когда определены стороны, предмет и другие особенности конфликтной ситуации (КС). Пусть это будет социокультурный моноконфликт.
2. Затем наступает процесс возбуждения оставшихся пяти типов моноконфликтов. Этот процесс будем называть словом, заканчивающимся на «изация». Например, при возбуждении политической стороны социокультурного конфликта такой процесс называется «политизация». Если же возбуждаются этнонациональные аспекты, то «этнизация». Далее, для административного – «бюрократизация», для конфликта в социальной сфере – «социзация», и для экономического – «экономизация» [15].

В заключение перечислим принципы эффективного анализа ССК. Пока нами определены следующие принципы:

1. *Принцип учета всех типов протоконфликтов.* Любой ССК состоит, как минимум, из пары моноконфликтов разных типов: например, политического и этнонационального, и каждый из них «замешан» на своем наборе протоконфликтов. Поэтому предпосылкой для эффективного анализа ССК становится выявление, описание и изучение наиболее значимых протоконфликтов. Тем самым достигается возможность систематического рассмотрения первопричин, породивших моноконфликты, ставшие компонентами ССК.

2. *Принцип синергизма моноконфликтов в ССК.* При анализе ССК нельзя ограничиться последовательным изучением моноконфликтов, входящих в ССК, с целью выделения присущих им значимых причин и специфики взаимодействия сторон, редуцирования пространства изучения ССК с последующей «отработкой» только этих существенных аспектов. Нередко причина, малозначимая для моноконфликта, может оказаться ключевой при исследовании ССК. Для выявления такого синергетического эффекта следует всегда рассматривать взаимовлияние различных причин. Известны случаи,

когда «значимые» причины моноконфликтов разных типов в совокупности оказывались менее существенными, чем сочетание значимой причины одного моноконфликта с не самой значимой причиной другого.

3. *Принцип создания смешанных команд для анализа ССК.* Ключевым направлением конфликтологической парадигмы является поиск путей урегулирования конфликта. В случае ССК возникает потребность в формировании смешанных команд из участников-сторон каждого типового моноконфликта и присущих им посредников. Это требуется для того, чтобы, изыскивая способ разрешения ССК, не упустить своеобразие какого-либо моноконфликта, или на ранних фазах урегулирования заложить предпосылки для выработки взаимоприемлемого способа, базируясь на знаниях несовпадающих участников.

4. *Принцип динамического разворачивания (не обязательно во времени) ССК.* В конфликтологии известны и неплохо изучены подходы к исследованию динамики моноконфликтов во времени (от зарождения до эскалации и разрешения). Важнейшей особенностью ССК является то, что помимо такого динамического разворачивания во времени, ССК характеризуется многомерным взаимодействием причин, когда компонентный моноконфликт может усиливаться и усложняться, когда в нем выявляются причины, за которыми стоят совсем другие стороны. Например, к политическому конфликту могут присоединиться разные партии со своими «прочтениями» причин. Это может выразиться как в расширении списка участников вокруг одной причины, так и в появлении «гроздьев» причин и сторон. В связи с этой особенностью ССК существенно уделять внимание описанию каркаса каждого моноконфликта. Но и этого может оказаться недостаточно. Возможны случаи, когда при исследовании каркаса одного моноконфликта выявляется такая пара «причина-стороны», наличие которой может «активировать» и потребовать совместного изучения этой пары в

совокупности с рядом аналогичных пар другого моноконфликта. Не исключена и возможность разворачивания ССК на каркас третьего моноконфликта.

Заключение. Таким образом, динамическая модель морфологического анализа социальной конфликтности трансформирующегося общества очень продуктивна. Разнотипные конфликты в условиях высокодинамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг друга, что порождает дополнительный эффект синергетического свойства. Важно понять какого – *деструктивного или позитивного* – свойства. В силу этого в настоящее время недостаточно изучать отдельные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложносоставного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и аспектах его развертывания и регулирования.

К системному анализу взаимовлияний разнотипных конфликтов друг на друга конфликтология только еще подходит. Анализ конкретных конфликтов в изолированном от других виде – это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложносоставного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественно-политической трансформации. Эта работа – шаг в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Райсиг Р.* Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2 т., Т. 2., СПб.; М., 2003.
2. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. Доклад на II Всероссийском социологическом конгрессе, 30 сентября – 2 октября 2003 года, МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, с. 30.
3. См.: *Пантин И.К.* Демократия в России: противоречия и проблемы. Политические исследования, 2003, № 1.
4. «Российская газета» 7 августа 2003 г.
5. *Якимец В.Н.* Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Санкт-Петербургский университет, 2002.
6. *В. Банс.* Элементы неопределенности в переходный период. Политические исследования. 1993, № 1.
7. *А.В. Дмитриев.* Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002.
8. В феномене протоконфликта мы прежде всего фиксируем *наличие* определенной совокупности *социальных противоречий*, в которые погружены действующие субъекты, и *процессуальность осознания* ими противоречивости отношений, целей и интересов при наличии определенного рода возможных *угроз*.
9. В данном случае мы опирались на метод морфологического анализа, разработанный швейцарским ученым Ф. Цвикки, который использовал его для целей нормативного прогнозирования. Данный метод предполагает определение главных осей исследования явления; выделение ключевых позиций для построения номинальных шкал и построение возможных комбинаций развития явления.

10. *Мигранян А.* 1995: год великого перелома или окончательного краха российской государственности? Независимая газета. 1995. 17 января.
11. *F.Zwicky.* Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach. New York, McMillan& Co. 1969.
12. *Эйрес Р.* Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование. М. Мир, 1971.
13. *Левин М.* Комбинаторное проектирование систем. В ж. Автоматизация проектирования, № 4, 1997.
14. *Дубов Ю., Травкин С., Якимец В.* Многокритериальные модели формирования и выбора вариантов систем, М., Наука, 1986.
15. Авторы отдают отчет в том, что предложенные определения не совсем удачны, но на данном этапе размышлений они достаточно красноречиво подчеркивают направление движения логики исследования.